

способах удовлетворения этих потребностей» [1, с. 225]. Возможности дистанционного обучения работают хорошо, когда они удовлетворяют педагогические потребности в сложном социокультурном контексте, решая проблемы или расширяя возможности обучения. Британские исследовательницы Хелен Бетхэм и Рона Шарп пишут об этом так: «мы считаем, что интересная и здоровая педагогическая идея, реализованная с помощью гибкого инструмента дистанционного обучения, даст собственный импульс для ее принятия и использования» [2, с. 217].

В заключении можно сказать, что ни дистанционное образование, ни смешанное обучение не являются панацеей, однако современные технологии находятся на той стадии развития, когда мы можем преподавать самыми разными способами и эффективно взаимодействовать с аудиторией. Сегодня дистанционное образование дает возможность для высших учебных заведений создать на своей базе мультифункциональные виртуальные центры знания, которые станут мощными карьерными двигателями, имеющими большое будущее.

Список использованных источников

1. *Bates, A. W. Technology, E-learning and Distance Education / A. W. Bates.* – London and New York: Routledge, 2015.
2. *Beetham, H. Rethinking Pedagogy for a Digital Age: Designing and Delivering E-Learning / H. Beetham and R. Sharpe (eds.).* – Ch. 16. – London and New York: Routledge, 2007.
3. *Kent, M. An Education in Facebook? Higher Education and the World's Largest Social Network/ M. Kent T. Leaver (eds.).* – London and New York: Routledge, 2014.
4. *Picciano, A. G. Online Education Policy and Practice: The Past, Present, and Future of the Digital University/ A. G. Picciano.* – London and New York: Routledge, 2017.

Ю. В. Новак

Государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы», г. Минск

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ФИЛОСОФСКИЙ РАКУРС

Философский интерес к теории и методологии исторического познания как составной части историографии исторической науки оправдан в ситуации, когда историческая наука достигает такой точки развития, при которой наблюдается многообразие применяемых методологических подходов, концептуальных схем, когда есть в наличии количественно и содержательно богатый фактографический материал. В таком случае требуется рефлексия

над основаниями науки, чтобы зафиксировать состояние в определенном моменте (сделать «фото») и увидеть всю перспективу целиком, определить векторы для дальнейшего исследовательского поиска на качественно новом уровне развития науки.

Помимо этого, сама практика общественной жизни может возвращать исторической науке вопрос о ее социальной «компетентности». То есть насколько то историческое знание («историческая правда» и все ее версии), предложенное историками обществу, было воспринято конечным потребителем и стало основой его исторического сознания и национальной идентичности?

Для общества, пребывающего в переходном состоянии, где привычные контексты разрушаются, а новые еще только-только создаются, такие вопросы поднимаются на поверхность естественным образом. Именно разбалансировки по ценностям и фундаментальным идеям, лежащим в основании исторического сознания, идентичности, деятельности, приводят к необходимости философской рефлексии по поводу причин наблюдаемого «кризиса». Мы обращаемся не ко всей отечественной историографии (она весьма обширна), а постараемся зафиксировать только состояние развития историографии истории Беларуси, так как именно в ней после распада СССР и отмены запрета на методологический плюрализм обнаружилось наибольшее количество так называемых белых пятен и нерешенных проблем.

Первоначально было решено оттолкнуться от рефлексии самих историков о своей научной деятельности в сфере теории и методологии исторического познания за последние 30 лет, в чем они сами видят свои достижения и определяют наиболее острые проблемы.

Так, проблемами историографии в Республике Беларусь занимаются сразу несколько научно-исследовательских и университетских центров, старейшим из которых является Институт истории НАН Беларуси. Конечно, нужно сказать об историческом факультете БГУ, научных историографических школах при БГПУ им. М. Танка, ГрГУ им. Я. Купалы. Свой вклад в развитие исторической науки вносит также БелНИИДАД. За каждым из этих названий стоят известные и талантливые ученые, исследователи-историки, посвятившие себя исторической науке и делающие все возможное для ее развития и процветания на национальной почве (М. П. Костюк, Н. И. Миницкий, В. Н. Михнюк, П. Т. Петриков, Н. С. Сташкевич, В. Н. Сидорцов, Н. В. Смехович, Г. В. Корзенко, А. Н. Нечухрин, В. А. Белозорович, И. И. Шевчук и др.).

Не учитывая состояние белорусской исторической науки в советский период, невозможно понять всю важность и ценность достижений, полученных белорусскими историками за последующий 30-летний период. Так,

большинством историков в положительном ключе был отмечен факт отмены повсеместного идеологического диктата над историческим знанием со стороны партийных и государственных структур бывшего Советского Союза. Белорусские историки впервые за многие годы получили возможность академической и научной свободы высказывания без оглядки на позицию «центра», без одобрения и согласования с которым ранее не проводилось и не принималось ни одно структурно-организационное или иное важное для развития отечественной исторической науки решение. Но одновременно высветилось множество проблем, мешающих осуществить быстрый и качественный рост в историческом познании, – отсутствие достаточной источниковой и документальной базы, необходимость структурной реорганизации действующих научных и педагогических центров, слабое (в некоторых случаях катастрофически слабое) финансирование науки в целом, отсутствие (вследствие искусственно создаваемой изоляции) подготовленных кадров, умеющих работать в рамках уже существующих в мировой исторической мысли концептуальных моделей и методологий, отсутствие обновления учебников и пособий для средней и высшей школы, «белые пятна» истории и др.

Несмотря на обозначенные выше (и многие другие) проблемы и трудности, отечественная историческая наука может гордиться достойными результатами [1]. При этом сами историки отмечают отсутствие крупных фундаментальных теоретических трудов, систематизирующих и обобщающих весь накопленный историографический и методологический опыт последних десятилетий. Мы можем наблюдать многообразие конкретных исторических исследований и разработок чаще по узким специализированным темам, многообразие применяемых методов и концептуальных моделей исторического исследования, но при этом из этого многообразия не складывается единство исторического знания. В этом мы видим одну из основных особенностей состояния и развития отечественной исторической науки на современном этапе.

Косвенно отсутствие теоретического единства отечественного исторического знания можно видеть, например, в том, в какой форме представлены в отчетных публикациях достижения белорусских историков. Чаще всего это повествование об истории становления и развития научной школы или научно-экспертного центра, к которым принадлежит сам повествующий, либо же перечисление всех достижений скорее по формальным признакам (диссертации, кадры, публикации, издания, реорганизация структуры и т. д.), за которыми трудно уловить внутренние связи и отношения между различными научными институциями. Складывается впечатление о некой автономности по отношению друг к другу отдельных историографических школ, где объединяющим, систематизирующим принципом для историче-

ской науки выступает не внутренний принцип ее собственного развития, а некий внешний фактор, который и создает видимость формального единства. Но в силу того, что этот объединяющий фактор для исторической науки внешний, привходящий, она его как бы «не замечает», он выступает в роли свособразного «слепого пятна» отечественной исторической науки. «Не замечает» в том смысле, что в качестве фактора, обеспечивающего единство исторической науки, открыто и напрямую о нем говорить не принято. Так, у доктора политических наук, профессора Л. Е. Землякова читаем: «Навуковае грамадства айчынных гісторыкаў, якое дзесяцігоддзямі з'яўлялася арганічнай састаўной часткай савецкай дзяржаўна-ідэалагічнай сістэмы, аказалася няздольным да самаарганізацыі і змены каштоўнасных арыенціраў. Сёння супярэчнасці паміж стандартамі і нормаў навуковага таварыства гісторыкаў і нарматыўна-каштоўнаснай сістэмай сучаснага грамадства ў цэлым выяўляюць свае негатыўныя вынікі для абодвух бакоў, ставячы пад пытанне іх самазахаванне» [2, с. 38].

О чем же в данном случае идет речь, о каком внешнем факторе, объединяющем историческую науку? Попробуем осмыслить этот феномен с помощью некоторых идей французского историка Марка Ферро и французского философа Поля Рикера.

Обратимся к книге М. Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах мира», где, помимо прочего, речь идет об условном выделении нескольких моделей истории [3]. Это «институциональная история», «контристория» и коллективная память. Согласно М. Ферро, историками-профессионалами создаются «институциональная история» и «контристория», поэтому он называет эти модели «историей историков». Коллективная память формируется естественным путем и является источником смыслов и исторической мифологии для двух предыдущих моделей истории. «Институциональная история» и «контристория» претендуют на господство в сфере интерпретаций исторического прошлого, поэтому находятся по отношению друг к другу в состоянии конкуренции и противоборства. Средства и методы для осуществления данного противоборства, как правило, выбираются в зависимости от стадии конфликтной ситуации (эскалация, поиск компромисса и т. д.). «Институциональная история», выражающая позицию официальной государственной власти, при стабильной для себя ситуации отдает предпочтение форме «игнорирования», «умалшения» соперника, а «контристория» чаще выбирает стратегию открытой критики и полемики с представителями противоположного лагеря. Соответственно, при определенных условиях они могут меняться местами, но все так же, как и прежде, будут осуществляться в рамках и посредством отношений «господства и подчинения», властных отношений. Таким образом, в качестве внешнего фактора, формально

структурирующего процесс исторического познания, у Ферро выступает политическая власть.

Данная схема вполне может быть приложима к способу существования белорусской историографической ситуации. Так, в качестве «институциональной истории» можно рассматривать все вышеприведенные научно-экспертные центры и научно-педагогические организации, которые реализуют принятую сейчас повсеместно в качестве стратегического вектора развития национально-государственную концепцию истории Беларуси. В качестве «контр истории» можно рассматривать с долей условности позицию тех исследователей, которые защищают этнонационалистическую концепцию истории Беларуси. Граница между ними условна, так как в зависимости от изменений своих отношений с властью они могут менять свой статус на противоположный. Принадлежность к одной из этих «историй историков» можно также проследить по историческому нарративу, который выстраивает каждая из сторон. Так, «институциональная история» будет стараться говорить о власти максимально корректно, формулируя свои пожелания об изменениях в виде просьб и рациональных предложений. «Институциональная история» относится к власти как к собственному «слепому пятну», стараясь ее не замечать. Также и выбор тем для исследований будет определяться не количеством «белых пятен» истории, а тем фактом, насколько затрагивает (ослабляет либо усиливает) позицию власти разработка определенной тематики. Напротив, «контр история» всячески будет обращать внимание на присутствие властного компонента в системе исторической науки, формулируя свои пожелания к изменениям в виде обвинений, требований и критики [4]. В историческом нарративе «контр история» чувствует себя гораздо свободнее в выборе тем и формулировании интерпретаций, тогда как «институциональная история» склонна проявлять тенденции к самоизоляции.

Созвучные идеи мы встречаем и у П. Рикёра, у которого аналогом «институциональной истории» выступит «практикуемая» или «навязанная» память. В ней изначально присутствует принцип подчинения именно потому, что осуществиться данный тип памяти может только в рамках отношений «господства и подчинения» с помощью средств идеологии, примененных с определенной целью – целью легитимации политического порядка как такового. Согласно П. Рикёру, коллективная память, «естественная память», в гораздо меньшей степени подвергается идеологическим манипуляциям, нежели «практикуемая память», так как сама идеология, действуя на уровне «естественной памяти», выполняет иную функцию. Для коллективной памяти – это функция интеграции с помощью символических средств культуры (средств нарратива) с целью конституирования и сохранения первичной культурной идентичности. Для «практикуемой памяти»,

«институциональной истории», идеология выполняет функцию легитимации иерархической структуры власти и порядка (самой структуры господства – подчинения), и именно здесь «приводятся в действие ресурсы манипуляции, предлагаемые рассказом» [5, с. 125]. Даже наиболее примитивная форма власти, основанная на доминанте физического насилия, нуждается в подобном рода нарративной легитимации.

Зависимость развития белорусской исторической науки от того, как складываются у нее отношения с политической властью, заметил и исследовал Райнер Линднер в своей книге «Историки и власть» [6]. В целом тема взаимоотношений власти и исторической науки актуализируется в социально-гуманитарных науках в рамках таких понятий, как «историческая политика» и «политика памяти».

Подводя итог, отметим, что принципиально новый, качественный уровень существования отечественной истории будет зависеть от того, на каких условиях будет перезаключаться социальный договор исторической науки с властью. А также от того, насколько часто и продуктивно «история историков» будет обращаться к «коллективной памяти», «естественной памяти» белорусского народа, которая обладает богатым символическим наследием, неисчерпаемый потенциал которого можно использовать для самообновления исторической науки и увеличения степени ее независимого существования по отношению к власти. Это возможно потому, что коллективная память по своему происхождению и способу существования не определяется единственно через отношения «господства и подчинения».

Список использованных источников

1. Касцюк, М. П. Шлях да ісціпы. Гістарычная навука Беларусі ў канцы XX – пачатку XXI ст. / М. П. Касцюк. – Мінск: Экоперспектыва, 2015. – 252 с.; Інстытут гісторыі Беларусі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (1929–2009 гг.) / А. А. Коваленя (рук.) [и др.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2009. – 628 с.; *Историческая наука в Беларуси (1991–2000 гг.): современные проблемы и кадры* / Ю. Н. Бохан [и др.]. – Минск: Нац. акад. навук Беларусі: Беларуская навука, 2005. – 81 с.
2. Землякоў, Л. Я. Праблемы інстытуалізацыі гістарычнай навукі ў сучасным грамадстве / Л. Я. Землякоў // *Проблемы методолёгіі ісследоваў і гісторыі Беларусі: матэрыялы Міждунар. навуц. конф. (Мінск, 26–27 окт. 2006 г.)* / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – С. 38–40.
3. Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира: пер. с фр. / М. Ферро. – М.: Высшая школа, 1992. – 351 с.
4. Браточкин, А. Историческая наука в Беларуси после 1991 года: кризис марксистской методологии и поиск новых теоретических оснований / А. Браточкин // *После советского марксизма: история, философия, социология и психоанализ в национальных контекстах (Беларусь, Украина)* / сост., науч. ред. О. Н. Шпарага. – Вильнюс: ЕГУ, 2013. –

С. 11–49; Саганович, Г. Советизация, западнорусизм, что дальше? / Г. Саганович // Деда: дайджест публикаций о белорусской истории. Вып. 8. / сост., науч. ред. А. Е. Тараса. – Минск: Харвест, 2011. – С. 102–133.

5. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

6. Ліндзэр, Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX стст. / Р. Ліндзэр. – СПб.: Неўскі прасцаг, 2003. – 540 с.

К. В. Севастов

Государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы», г. Минск

ЛОКАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: АДАПТИВНЫЙ КРИЗИС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Феномен идентичности на протяжении долгого времени является актуальной темой для различного рода исследований. В каждом исследовании важен контекст, и, соответственно, при современном рассмотрении данного феномена с точки зрения социальной философии контекст формируется множеством различных социальных обстоятельств, которые подчинены нынешнему состоянию культуры, изучение которого, в свою очередь, несостоятельно вне условий социокультурной реальности – кризиса культуры, точнее – кризиса культуры постмодерна.

Поначалу постмодерн в ходе своего формирования проявляет себя в разных аспектах. Первый аспект – это нарушение культурного баланса в культурной жизни общества, второй – ответ на кризис идей уходящего модерна. И, что имеет существенное значение, сам ход преобразования модерна в постмодерн вовсе не был идейно направлен и тем более революционен – он прогнозируем и убедителен.

Как бы то ни было, постмодерн, первоначальной целью которого было исправление стоящего перед модернистской эпохой морального идеализма, потерпел провал и тем самым обрек культуру в целом на затяжной кризис. В частности, постмодерн, подвергнув критике теорию безусловной истины, стремясь ее вытеснить, ничего не предлагает в качестве альтернативы помимо, разумеется, применения постоянных нестатичных структур, форм и реминисценций, а также презумпции общей иронии и утверждения, что все в этом мире является вторичным.

Так, нестабильность современной культуры сопряжена с противоречивостью постмодерна, но с достаточно существенным дополнением, которое в состоянии определить предпосылки и границы кризисного контекста.